

П у б л и к а ц и и

ЧЕСЛАВ МИЛОШ. СЛОВАРЬ ВИЛЕНСКИХ УЛИЦ**Перевод с польского, публикация и примечания Валентины Брио***Людвисарская**

Людвисарская¹ – это спуск. Множество раз, несчетное количество раз, в течение многих лет, ведь я жил почти всегда в более новой части города, то есть, за Завальной и Виленской, и именно Людвисарская вела оттуда к площади Наполеона и дальше, к университету или на бойкую Велькую. Спуск триумфальный, в экстазе телесного избытка, в счастье длинных, почти танцевальных шагов, или в полной безнадёжности, или еще, наверное, чаще всего, в том состоянии духа, когда молодой организм радуется по-своему, вопреки иллюзиям больного воображения. Начинался этот спуск у здания на углу Виленской, где размещались залы Профессиональных союзов или подобных им организаций. Там висели разноцветные афиши, объявлявшие о лекциях или боксерских встречах, на панели нередко толпились многочисленные любители таких выступлений, по большей части еврейская молодежь. Немного ниже, справа, не

доходя до угла Татарской, – пара домов с балконами, которые ни о чем мне не говорили до той поры, пока на одном из них я не стал засиживаться весенними вечерами со Станиславом Стоммой², предаваясь интеллектуальным дискуссиям при розовых закатах. 1929 год... Я был тогда учеником восьмого класса гимназии, Стомма – студентом второго, кажется, курса права и моим старшим братом в ложе, то есть в конспиративной группе «Пет»³. «Ложа» – преувеличение, конечно, но я могу думать о нашей группе, а также о Клубе бродяг, в который вскоре вступил, не иначе как о подобию ложи, этого особенного порождения Вильно, города масонов. Подобно временам расцвета Виленского Университета перед 1830 годом, в описываемое время к масонским ложам принадлежали многие светила нашего города, о чем ходили сплетни, хотя насколько многочисленными были у нас

* Окончание. Начало см.: *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, Nr. 49 (2), 2007.

¹ Название улицы сохранилось и сегодня. В литовском варианте это ул. Лейиклос (*Liejyklos* – Лиейная).

² Стомма Станислав (1908–2005) – польский правовед, профессор, публицист, политик; был членом Сейма в 1957–1976 гг. Автор научных исследований, а также работы «Мысли о культуре и политике», статей о польско-немецких отношениях, мемуаров.

³ «Пет» (Pet) – тайная организация школьников и студентов; не имела определенной политической или общественной программы, объединяла людей с критическим отношением к действительности.

масоны, я узнал только спустя годы. К сожалению, ошибалась правая пресса, приписывая масонам решительное влияние на ход исторических событий.

Итак, со Стоммой на балконе, над оврагом улицы, спускающейся к засаженым деревьями площадям. Мы дискутировали о Петражицком⁴, в теорию права и морали которого ввел Стомму молодой профессор Ланде⁵, приверженец Петражицкого. Услышав о Петражицком, я, в свою очередь, кое-что из его сочинений прочитал. Обсуждали мы также книгу Анри де Масси⁶, тогда довольно известную, «*La défense de L'Occident*»⁷. Я тогда подналег на французский, чтобы начать читать французских авторов в оригинале. Кажется, у Стоммы я брал книгу Масси, оценив пользу от ее чтения спустя тридцать лет, в Калифорнии. Это не означает, что когда-либо, тогда или сейчас, меня

тянуло к французским националистам, наследникам монархии. Однако следует признать, что они первыми забили тревогу, предостерегая перед заразой, перед черной плесенью, которая начинала отравлять мысль и язык. С их точки зрения, эта болезнь шла из Азии, всегда достигая европейского интеллекта через посредничество Германии, а в 1918 году Веймарской Германии – это шопенгауэризм, индуизм, буддизм, Шпенглер, Кайзерлинг и др. Масси и иные защитники картезианских Окопов св. Троицы⁸ не сумели противостоять замутнению французского языка под влиянием немецкой философии, не обязательно принесенной с Востока. И кто знает, не объясняется ли отсутствие у меня интереса к захватившей Калифорнию «мудрости Востока» также и тем, что первое предупреждение об опасности прочитал я в семнадцать лет.

За углом Татарской, с правой стороны – открытое пространство площади, с левой – какие-то мелкие лавочки, не запомнившиеся, и ресторанчик или закусочная, открытая уже во второй половине моего пребывания в университете, куда ходили мы на вкусные обеды за 60 грошей. Владельцем был еврей из Варшавы, клиентуру составляли студенты, но, в основном, не те, которых можно было видеть в *Mens'е*. Я встречал здесь моих еврейских однокурсников-юристов, преимущественно варшавян, приходили также литовцы и белорусы. Не знаю, почему память сохранила лишь

⁴ Петражицкий Леон (1867–1931) – польский и русский социолог, теоретик и философ права, общественный деятель. Профессор Петербургского университета, с которым был связан важный период его жизни и научной работы (1896–1917). Был избран в I Государственную Думу (от партии кадетов); член Верховного суда России (1917). С 1918 г. – профессор Варшавского университета. Основные труды: «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии», «Теория права и государства в связи с теорией нравственности». Л. Петражицкий выступал также за равноправие женщин.

⁵ Ланде Ежи (1886–1954) – польский правовед, ученик Леона Петражицкого и его идейный последователь, профессор; возглавлял кафедру теории и философии права в Виленском университете, позднее в Ягеллонском университете в Кракове. Его труды посвящены философии права и его психологическим аспектам. Ланде известен также как талантливый фотограф и альпинист.

⁶ Масси Анри (1886–1970) – французский литературный критик, публицист, правый политический деятель, член Французской Академии с 1960 г.

⁷ «Защита Запада» (1927).

⁸ Место действия в романтической драме Зигмунта Красинского «Небожественная комедия». Здесь: защитники культуры.

немногие лица и фамилии. Одна из них – коллега Лернер.

Несколько шагов – и уже идешь мимо костела Бонифратров. Этот самый низкий из виленских костелов вместе с монастырскими, тоже низкими, строениями создавал как бы крепостийку на маленькой площади, засаженной деревьями, кажется, липами. Бонифратры занимались какой-то благотворительной деятельностью, когда-то содержали приют для умалишенных, поэтому, когда кто-нибудь нес чепуху, у нас говорилось, что ему надо к бонифратрам. У костела две башенки, но, в соответствии с природой целого, это не более чем округлости, груди строения. Внутри костел напоминал барочное убранство крипты или грота с колодцем-родничком где-то в середине его удлиненного четырехугольника. Воде этого источника приписывались свойства лечебно-чудодейственные, хотя слава его не достигала даже других частей города и, как кажется, осталась молвой лишь для внутрипарафиального употребления. Костелик Бонифратров отличался тем, что давал ощущение безопасности, привычности божеско-человеческих дел и прочную защиту от мира. Случалось мне позже бывать – вне Польши – в православных церквушках, что словно золотые шкатулки или медовые соты, где теплый блеск стен, запах кадила и литургические песнопения действуют гипнотически. Это удовлетворяет, наверное, человеческую потребность в замкнутом пространстве, компактном, подчиненном своим собственным законам, отгороженном от того другого, без-

граничного пространства. Именно поэтому я любил Бонифратров, и особенно в Вельканоц⁹, когда посещали «гробницы», нельзя было миновать этот костел. Если в других костелах более или менее изобретательно представленная гробница Христа терялась под высокими сводами, уменьшалась в соизмерении с алтарем, колоннами, то у Бонифратров она становилась центральным местом, потому что все там было почти на уровне пола. Я забыл добавить, что Людвигарская улица у площади становилась Бонифратрской.

Немецкая

Узкая и не слишком длинная, Немецкая была улицей большого города в полном смысле. Ведь не была таковой улица, считавшаяся главной, официально называвшаяся сначала Святоерским проспектом, потом проспектом Мицкевича, а менее официально – Святоерской или, сокращенно, «Ереком». Эта вычерченная прямой линией магистраль, обрамленная рядами домов второй половины девятнадцатого века, не возвышала Вильно над рангом провинциального города, какого-нибудь Рене или Елизаветграда, как я его себе представляю, где также должен был быть «проспект» для *гулянья*¹⁰ господ офицеров и студентов. А вот статуса Немецкой как улицы большого города не снижала даже проезжая часть, мощенная «кошачьими лбами»¹¹ – их за-

⁹ w Wielkanoc, т.е. на Пасху.

¹⁰ В оригинале – по-русски, но латиницей: гулянья.

¹¹ «kocimi łbami» (пол.) – булыжником.

менили брусчаткой, как, впрочем, и на всех важнейших улицах, только в тридцатые годы. Уже приближаясь к Немецкой, вы покидали края недонаселенные, чтобы проникнуть в места внезапного скопления народа. Тротуары, брамы, двери, окна расцветали множеством лиц, разбухали от толпы. На Немецкой казалось, что каждый дом скрывает в себе необозримое количество жильцов, занятых всеми, какие только могут существовать, профессиям. С фасада – лавка возле лавки под большими разрисованными вывесками, но морды львов, подобия чулок чудовищных размеров, перчаток и корсетов уведомляли также о лавочках во дворах, а таблички в воротах сообщали о дантистах, портнихах, вязальщицах, плиссеровщицах, сапожниках и т.д. Торговля выливалась и за пределы домов, на проезжую часть, кипела возле ручных тележек и кое-где на изгибе панели лотков. Грохотали груженные платформы, которые тащили тяжело ступавшие кони. Среди прохожих вились факторы¹², задачей которых было высматривать клиентов, расхваливать товар и сопровождать их в лавку (нередко куда-нибудь через три двора). С уверенностью могу сказать, что я никогда не связывал Немецкую с картинками в школьных учебниках французского, представлявшими Париж девятнадцатого века, и решился на это сопоставление не скоро, уже как житель Франции. Во второй половине нашего столетия не раз вспоминал я о Немецкой, когда ее уже не было, чаще всего, бродя по кварталу Марэ и глаза

на вывески, тем более что некоторые из них прямо приглашали к воспоминаниям, например, та, с rue de Turenne, на которой до сегодняшнего дня monsieur Szatan предлагает свои услуги по пошиву мужской одежды.

Немецкая была улицей исключительно еврейской, однако значительно отличалась, например, от варшавских Налевок. Более старинная, более старожильская, она выступала как представительница путаницы извилистых, удивительно узких средневековых переулков; в Варшаве же никогда не чувствовалось такого тыла. А наличие потемневших от времени (словно покрытых патиной) камней, может быть, и делало эти городские фрагменты Вильно более близкими Парижу, чем Варшаве.

Я бывал на Немецкой в разные периоды жизни, прежде всего как маленький мальчик вместе с бабушкой Милошовой. Мы жили в доме на улице Подгурной, 5. Стало быть, по Подгурной до угла Сераковского, потом по Портовой до Виленской. Улица Сераковского склоняет меня к отступлению. В то время еще можно было видеть ветеранов восстания 1863 года – они носили мундиры, что-то вроде венгерки, а также конфедератки, темно-синие с малиновым околышем. Получали какую-то скромную пенсию, и даже вдовы ветеранов не были исключением, хотя, конечно, это были гроши. Такую пенсию получала и бабушка Милошова. Улица, названная именем Сераковского, вела на Лукишки, на площадь, где этого предводителя восстания в Литве

¹² factor – агент, посредник, комиссионер.

повесили. А мой дед в 1863 году воевал под началом Сераковского как его адъютант или офицер для специальных поручений, не знаю точно, в любом случае – как близкий соратник. Он спасся потому, что в родовом имении около Вендзяголы (на север от Ковно), Сербинах, у него были соседи – деревня староверов, которые его очень любили. Старейшины собрались и всю ночь размышляли над непростой проблемой: может ли христианин дать фальшивую присягу, чтобы спасти человека? И заявили под присягой, что весь 1863 год их сосед не выезжал из дому.

С Подгурной, через угол Сераковского, Портовую – на Виленскую и Немецкую, всегда в лавку Соры Клок. Лавка находилась во дворе, но она не нуждалась ни в объявлениях, ни в факторах – лавка славилась в городе и имела верных клиентов. Все знали, что пуговицы, подкладка, ватин и т.д., каких нигде больше нет, найдутся здесь. Сама пани Сора Клок, ужасно некрасивая, толстая, блекло-рыжая, в парике, вызывала во мне любопытство своим зобом и заметно бритым подбородком. Очень властная, она только распоряжалась множеством продавщиц. Оттуда были родом т.наз. портняжные приклады и к моей одежде, постоянно переделываемой или шитой из домотканого холста навыворот. Признаться ли в привычках, приобретенных в детстве? До сих пор ловлю себя на определенном порыве при покупке одежды: может, взять на размер больше, а то, что будет, когда вырасту?..

После детских лет в моих отношениях с улицей Немецкой – большой

пробел: я проходил по ней иногда, и всё. И только в конце пребывания в университете я начал завязывать с нею контакт, бывая на представлениях театра, в котором играли на идише, или посещая вместе с Пранасом Анцевичем маленькие ресторанчики в боковых переулках. Вкус охлажденной водки и замечательной сельди, а также неясно сохранившееся в памяти ощущение человеческого тепла определили то, что с тех пор я всегда любил еврейские рестораны. Лабиринт переулков около Немецкой вспоминается еще и в связи с тем, что там искал я раввина, чтобы выполнить некое поручение. А именно, в 1933 или в 1934 году Оскар Милош¹³ прислал мне из Парижа три экземпляра своей книги, изданной в очень небольшом количестве как частное издание. Учитывая содержание этого сочинения, не удивительно, что он не предназначал его для печати. «L'Apocalypse de St.Jean déchiffrée»¹⁴, о котором идет речь, предсказывала катастрофы в космических размерах, которые должны были обрушиться на человечество около 1944 года. Возможно, это были две брошюры, а не одна – другой опус (переплетенный вместе с первым или отдельный) выдвигал гипотезу о том, что древнейшая родина евреев находилась на Иберийском полуострове, и что именно там следует искать библей-

¹³ Милош Оскар (Oskar Vladislas de Lubicz Miłosz, Oskaras Mīlašius, 1877-1939) – французский поэт и философ; уроженец исторической Литвы, с 1889 г. жил во Франции. В 1925-1938 – советник литовского посольства в Париже. Дядя Чеслава Милоша, он оказал на племянника определенное влияние. Кавалер ордена Почетного легиона.

¹⁴ «Дешифровка Апокалипсиса Св.Иоанна».

ский Эдем. Из этого труда, «*Les origines ibériques du peuple juif*»¹⁵, вытекало, что евреи являются, вероятно, старейшими автохтонами Европы. Итак, один экземпляр был для меня, два других я должен был отдать людям наиболее, на мой взгляд, подходящим: одному – из христиан, другому – из евреев, если возможно, – раввину. Мой выбор пал на профессора Мариана Здзеховского, так как его пессимизм в отношении будущего Европы, казалось, должен был сделать его открытым для мрачных пророчеств. Но Здзеховского я не знал лично, подошел к нему на лестнице университетской библиотеки, очень неудачно, без предисловия, заикаясь и краснея. И встретил такой неласковый прием, что, как мне кажется, экземпляра книги ему не вручил. Кем был известнейший из раввинов, на каком основании я выбрал его – не помню. Экземпляр отдал его секретарю. Не узнаю уже, прочел ли он его, и исполнилось ли таким образом намерение автора – предостеречь.

«*L'Apocalypse de St.Jean déchiffrée*» является библиографической редкостью, и следующее мое приключение, связанное с этим текстом, случилось через много лет после смерти Оскара Милоша – в 1952 году, вблизи rue Vaugirard, где я тогда жил. Встретив случайно в маленьком кафе Генри Миллера, я был удивлен, услышав, что он давно разыскивает именно этот текст. Я пообещал ему копию, что, собственно, было нетрудно, поскольку Collection Doucet хранит милошиану. Обещания я

не выполнил, за что Миллер меня осудил. Почему не выполнил? Это просто вылетело у меня из головы, но думаю, должны были быть и более глубокие причины, и Миллер прекрасно разглядел в этом повод для обиды. Тогда в разговоре с ним мне очень не понравился его калифорнийский катастрофизм: этого нам только не хватало, как будто не было у нас много хлопот в борьбе с наследием нашего европейского катастрофизма. В том, что он говорил, я разглядел интеллектуальный хаос, а в жадном внимании к апокалипсическим текстам – жажду сенсации. Не исключено, что мое противодействие имело как бы сакральный характер: я не признал Миллера одним из тех избранных, которым Оскар Милош хотел когда-то передать свое предостережение.

Виленская

Улица с удивительным названием, неоднородная, меняющаяся через каждые несколько шагов, и притом экуменическая, католическо-еврейская. При своем начале (или конце) у Зеленого моста широкая, без собственной консистенции (не более пары домов у выходов всевозможных боковых улочек), она сжималась в узкое горло за перекрестком со Свентоерской, то есть Мицкевича. Когда я был еще ребенком, там на углу долго стоял фундамент начатого строения, пока, наконец, не соорудили здание – торговый дом братьев Яблковских, первый в Вильно более или менее «универсальный» магазин в несколько этажей. Как пример для литературоведов следует процитировать стихок

¹⁵ «Иберийское происхождение еврейского народа».

К. И. Галчиньского, написанный этим пророком в период его кочевой жизни в Вильне. Это произведение показывает, как трудно передать местный говор тем, кто приезжает из регионов, где он неизвестен. Кажется, это одна из «Песенок начальника погребального отдела», и звучит она так:

On u Jabłkowskich kupuje ci,
W ramionach ciebie kasza,
I jak do kotka mówi ci-ci,
Jakoby u niego dacza.

(У Яблковских он покупает те./ В объятиях
тя качает./ И как котенку твердит: те-те./
Как будто у него есть *дача*).

А ведь форма «ci» вместо «tobie» в Вильне, кроме как в письменной речи, не употреблялась. «Ci», «mi», «cie» меня ужасно сместили, даже когда я был уже студентом («Графиня, не дразни мя. Не буду целовать тя»). Это был не наш польский, чужой, варшавский. Что касается слова «jakoby», то Галчиньский верно его подхватил. Оно означает то же, что и «podobno». Зато «u niego dacza» – это попытка придать локальный колорит посредством русицизма. Хотя и были определенные русские влияния на виленский говор, но все же так далеко они не заходили.

Неподалеку от Яблковских, напротив кинотеатра «Гелиос» – удивительный галантерейный магазин, каких больше в городе мне видеть не приходилось. Владельцами его были не евреи, а поляки, откуда-то издалека, из Галиции, отличавшиеся от обычных людей речью и предупредительной вежливостью. Семья, две пани и пан – кажется, все трое родственники. Пан благоухал одеколоном, у него были гладко заче-

санные, слегка завитые волосы с пробором, пухлые белые руки. Он говорил: «целую ручки». А магазин абсолютно не походил на то, что под этим тогда понималось: блестящая деревянная обшивка, натертая, ни пылинки. Товары в стеклянных витринах.

Рядом с этим – небольшой книжный магазин, где ежегодно 1 сентября переживал я сильные эмоции, толкаясь вместе с другими учениками и покупая новые школьные книжки. Несомненно, это одно из сильнейших переживаний: так только, пока, смотреть и трогать книги, не ведая, что скрывается под цветными обложками.

Напротив, как я уже сказал, – кинотеатр «Гелиос», памятный по разным фильмам, среди них «Буря над Азией» Пудовкина, которая произвела на меня огромное впечатление. Этот кинотеатр был для меня также сигналом, напоминающим о неясном, задвинутом в подсознание, ощущении брезгливости или даже позора. Среди неудачных карьер Витуся (вплоть до его смерти от чахотки на 36 году жизни), таких, как служба в Корпусе охраны пограничья, участие в еврейском объединении по торговле мехами и т.д., была также попытка создания кабаре-ревю. Премьера состоялась в зале «Гелиоса», и я, тогда четырнадцатилетний, не мог противостоять вульгарности этого зрелища никакой разумной оценкой, и стыд за Витуся, принадлежавшего как никак к моим родственникам, а также за моих родителей, которые даже смеялись, остался, растекаясь, словно жирное пятно.

Книжный магазин Рутского, на той же стороне улицы, сразу за кинотеат-

ром, как бы составил противовес. Сын строгого, важного, почтенного пана Рутского был моим университетским товарищем, и за него вышла замуж Ситка Данецкая, а мои более ранние отношения с Ситкой оптимистично свидетельствуют о разнородности отношений между людьми и о возможной иногда свободе от Формы. Мы ездили с нею на прогулки на байдарках и чувствовали себя друг с другом так свободно, что забывали о разнице полов. Не были мы только товарищами, нас связывала взаимная сердечность значительно более теплая. Тем не менее, никакая Форма не вынуждала нас к эротическим сближениям, ценнее была дружба.

За магазином Гальперна (кажется, он так и назывался), где пыль, полутьма, изобилие красок, карандашей, разноцветной бумаги, тетрадей, Виленская, здесь еще более суживающаяся, переходила в улицу христианских шорников, сапожников, портных, не было недостатка даже в турецкой пекарне. Это из нее, а, впрочем, может и из другой, происходил мой товарищ по гимназии Чеби-оглы, исповедовавший ислам. Дальше фасады домов дробились на множество еврейских лавочек, и, после недолгой благопристойности напротив скверика у костела св. Катарины (там была красивая старая лавка с охотничьим оружием), нищенская и убогая торговля овладевала улицей аж до угла Трощкой, Доминиканской и Немецкой.

На Виленской, в ее «ремесленной» части, со двора был вход в библиотеку, абонемент в которой оплачивала бабушка Милошова из своей скромной пенсии.

Я появлялся там часто, когда мне было двенадцать-тринадцать лет – или делегированный ею, или для того, чтобы взять книги для себя. В основном – Жеромский, Родзевичувна, Шпыркувна¹⁶, то есть плохая литература, и кажется мне, что какой-то разум у того, кто получил подобную приправу, должно признать, добавив несколько очков на сопротивление, которое необходимо было преодолеть. Беллетристика на любом языке есть, в основном, китч и мелодрама, однако стечением обстоятельств польской истории *fiction* как язык и способ чувствования исключительно сильно воздействовала на умы, так что подозреваю в т. наз. польской душе исключительно обильные залежи китча. А что до меня, то будем искренни: в книгах, которые я брал из библиотеки, захватывали меня такие сцены, как смерть прекрасной Елены из «Пепла», бросившейся в пропасть, а быть может, еще больше – окончание одного романа, переведенного с французского, о шуанах или контрреволюционерах в Вандее. Герой был гильотинирован, однако это не означало конца его высокочувствительных приключений. До сих пор помню последнюю фразу: «А голова его, катясь, шептала: Амелия!»

Беркли 1967¹⁷

¹⁶ Польские писатели: Стефан Жеромский (Żeromski, 1864-1925) – ниже идет речь о его романе «Пепел» («Popioły», 1904), Мария Родзевич (Родзевичувна, Rodziewiczówna, 1863-1944), Мария Хорска-Шпыркувна (Horska-Szpyrkówna, 1893-1977).

¹⁷ Эссе Милоша впервые было опубликовано в «Pamiętnik Wileński. Polska Fundacja Kulturalna», Londyn, 1972. Перевод осуществлен с текста, опубликованного в кн.: Czesław Miłosz, *Zaczynając od moich ulic*, Paryż, 1985.